

А. Морилло

**Судебные ораторы в Древнем
мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Морилло**
Судебные ораторы в Древнем мире / А. Морилло – М.: Книга по Требованию,
2021. – 124 с.

ISBN 978-5-4241-9530-3

ISBN 978-5-4241-9530-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

государство оказывалось непосредственно заинтересованнымъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, если на примѣръ, возникалъ вопросъ о государственной измѣнѣ, невозможно было въ дѣлѣ столь огромной важности защиту общественныхъ интересовъ представить случайности частной инициативы. Тогда республика назначала ораторовъ, являвшихся такимъ образомъ представителями ея и поддерживавшихъ обвиненіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ по необходимости приходилось нарушать правило и допускать представительство и замѣну одного лица другимъ.

Точно также, если процессъ касался земледѣльца, виноградаря, матроса или воина, и языкъ свидѣтеля упрямо не ладилъ съ правилами рѣчи, примѣненіе закона становилось труднымъ. Не значило-ли бы только отымать у судей время и просто смѣяться надъ ними, заставляя выслушивать людей, не умѣющихъ сказать слова, незнающихъ съ чего начать даже въ собственномъ дѣлѣ! Не было-ли бы также вопіющей несправедливостью — бѣдныхъ старыхъ солдатъ, посѣдѣвшихъ и покрытыхъ славой въ браняхъ, оставлять безъ защиты отъ нападений какого-нибудь низкаго плута и такимъ образомъ позволять обирать ихъ и лишить ихъ денегъ, которыя могли-бы обезнечить имъ по крайней мѣрѣ приличныя похороны. Справедливость требовала дать неопытному возможность обратиться къ помощи доброжелательнаго и краснорѣчиваго друга, готоваго помочь бѣдѣ своимъ искусствомъ. Но такъ какъ полезные и безкорыстные друзья въ Аѳинахъ были также рѣдки, какъ вездѣ, являлась необходимость обращаться прямо къ ритору или софисту по профессіи. Услуги этихъ лицъ вознаграждались уплатой гонорара, оставшейся въ секретѣ.

Итакъ невѣжда, абсолютно не способный сказать на судѣ что нибудь въ свою пользу могъ, съ согласія судей, поручить

дѣло другому. Но этого было мало для удовлетворенія потребности, возникшей на практикѣ. Могло случиться въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ способенъ былъ произнести нѣсколько словъ, но не умѣлъ вполне какъ и слѣдуетъ изложить дѣло, въ особенности, если оно отличалось сложностью и возбуждало сомнѣніе въ вопросахъ права. И такой человѣкъ однако имѣлъ право желать оградить какъ можно лучше свои интересы. Что-же оставалось ему дѣлать? Призвать на помощь оратора и поручить ему свою защиту? Объ этомъ нельзя было и думать. Это возможно было только въ исключительномъ случаѣ, и судьи давали свое согласіе только лицамъ, совершенно не владѣвшимъ рѣчью. Къ тому-же, если-бы даже судьи признали возможнымъ допустить вмѣшательство такого оратора, въ этомъ могла таиться другаго рода опасность для кліента. Судьи относились недоувѣрчиво къ соблазнамъ краснорѣчія, которое, по одному вѣрному замѣчанію, Аеиняне охотно осуждали, хотя не могли безъ него обойтись. Кромѣ того тотъ, чья профессія вела въ нѣкоторомъ родѣ какъ-бы къ освобожденію гражданъ отъ исполненія каждымъ лично своихъ обязанностей, считался почти измѣнникомъ отечеству. Такое недоувѣрчивое отношеніе къ оратору конечно распространялось въ известной мѣрѣ на кліента, покушавшагося въ глазахъ судей ихъ обмануть и сложить на другого бремя защиты своихъ правъ. Наконецъ, могло случиться, что ораторъ самъ не расположенъ былъ выступить, не находя достойными мотивы и опасаясь скомпрометировать себя защитой, или даже, при наличии данныхъ въ пользу дѣла, если ораторъ игралъ значительную роль въ политикѣ республики, ему могло казаться неприличнымъ служить интересамъ перваго встрѣчнаго.

Эти соображенія были очень серьезнаго свойства и повели къ слѣдующей сдѣлкѣ. Кліентъ дѣйствительно являлся

одинъ передъ судьями и говорилъ самъ. Но онъ только повторялъ рѣчь, написанную или составленную какимъ нибудь риторомъ или софистомъ—знатокомъ права и практики судопроизводства. Такимъ образомъ риторъ невидимо сопутствовалъ кліенту до конца; его совѣты и наставленіе не сѣялись даромъ, они облекались плотью и кровью, принимали опредѣленную форму судебной рѣчи и поддерживали кліента передъ судьями.

Такимъ образомъ уважали законъ, искусно обходя его; усыпляли подозрительность судей, пряча въ секретѣ вмѣшательство ратора, и обезпечивали себѣ даже въ неправомъ дѣлѣ тайную помощь искуснѣйшихъ юристовъ. Въ инныя минуты зрѣлище такого невѣжды, мало грамотнаго и въ потѣ лица старающагося повторить заученное, — должно было быть смѣшнымъ, и вѣроятно не разъ открывало просторъ аттическому веселью. Можно себѣ представить положеніе Демосѣена, вынужденнаго оставаться нѣмымъ свидѣтелемъ отчаяннаго искаженія его рѣчи и неудивительно, если ему случалось спастись бѣгствомъ изъ аудиторіи отъ этой пытки. Впрочемъ всякій кліентъ старался болѣе или менѣе быть посмѣлѣе, твердо запомнить рѣчь и произносить ее съ увѣренностью; логографъ являлся его помощникомъ и суфлеромъ и бралъ на себя такимъ образомъ роль гораздо болѣе активную и разностороннюю, чѣмъ современный адвокатъ; всякій хорошій логографъ игралъ двойную роль актера и учителя декламаціи.

Какъ-бы ни было, преимущества этой системы были очевидны. Между ораторомъ и кліентомъ устанавливалось выгодное соглашеніе, въ которомъ каждый находилъ свой расчетъ. Кліентъ поддерживалъ существованіе оратора, а послѣдній являлся его пособникомъ и союзникомъ.

Но были и такіе случаи, когда кліентъ не могъ доволь-

ствоваться такимъ совершенно скрытымъ посредничествомъ логографа, и послѣдній не ограничивался только подготовкой рѣчи. Если кліентъ не былъ самъ настолько одареннымъ человекомъ, чтобы усвоить по крайней мѣрѣ вполнѣ рѣчь и произносить ее совершенно естественнымъ тономъ, это повтореніе съ чужаго языка выходило очень искусственнымъ, и при малѣйшемъ недостаткѣ увѣренности или памяти, обманъ прямо рѣзалъ глаза.

Вслѣдствіе этого часто необходимо было сохранить присутствіе логографа, имѣть его за спиной, для того чтобы быть увѣреннымъ въ успѣхъ и въ случаѣ сдѣланной кліентомъ на судѣ какой нибудь ошибки, имѣть возможность ее исправить. Въ виду такого рода задачи пришли къ слѣдующей изобрѣтательной и тонкой комбинаціи: кліентъ являлся лично передъ судьями и излагалъ свое дѣло; затѣмъ онъ просилъ выслушать оратора, который искусенѣе его могъ поддержать его мотивы словомъ. Такимъ образомъ главнымъ въ дѣлѣ лицомъ являлся самъ кліентъ, а содѣйствіе оратора сводилось только къ разлитію нѣкоторыхъ пунктовъ. Чаще всего такая роль принадлежала логографу, но ту же службу могъ исполнять и другой, обыкновенный гражданинъ, также не обладавшій даромъ слова, извѣстный только своимъ вліяніемъ и честностью.

Въ такомъ случаѣ приходилось иногда логографу писать двѣ рѣчи—и для кліента и для вліятельнаго его союзника.

Бывали также наоборотъ случаи, когда реплика занимала первое мѣсто, а присутствіе кліента являлось только формой. Такъ именно бывало, если кліентъ былъ человекъ совершенно не развитой, боязливый, и не въ состояніи выступить какъ должно передъ судомъ даже для того, чтобы повторить рѣчь, составленную другимъ. Тогда онъ начиналъ объяснять свое дѣло, бормоталъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, чтобы

убѣдить судей и оставить ихъ внѣ всякаго сомнѣнія въ его полнѣйшей неспособности продолжать, и вслѣдъ затѣмъ просилъ позволить говорить вмѣсто него тому изъ присутствующихъ, кто добровольно возьметъ на себя эту обязанность, или такому то названному имъ по имени оратору. Такого рода «добровольцемъ» или ораторомъ оказывался логографъ, внезапно выступавшій изъ аудиторіи, какъ Deus ex machina, и съ дозволенія судей произносившій свою реплику или *дефтералогію*.

Такая система, безъ сомнѣнія, была вполнѣ удобна. Она платила видимую дань святости закона въ то же время обезпечивала кліенту постоянную и вѣрную помощь. Эта помощь обуславливалась конечно обходомъ закона, но она носила характеръ тайны и такимъ образомъ ускользала отъ репрессіи. Но она вела къ недостойнымъ пріемамъ и наивнымъ ухищреніямъ; а потому профессія логографовъ стала внушать недовѣріе. Самое названіе это стало жестокой обидой. Ораторы бросали его въ лицо другъ другу, какъ бранное слово. Но оружіе скоро притупилось отъ употребленія, а люди, противъ которыхъ оно было направлено, прекрасно пользовались жизнью. Въ концѣ концовъ стали смотрѣть на эту обиду, какъ на маленькую колкость, простительную между коллегами. Каждый протестовалъ противъ этого ремесла въ тотъ самый моментъ, когда практиковалъ его самъ, и убѣждалъ другихъ уничтожить съ корнемъ злоупотребленіе, которое онъ самъ дѣлалъ источникомъ своего существованія. Такія нападки пріобрѣли банальный характеръ и вошли въ самый составъ профессіи и въ арсеналъ логографа; учителя говорили такъ своимъ ученикамъ, не вѣря въ свои слова, ученики серьезно внимали и затѣмъ смѣялись, пользуясь на практикѣ обычнымъ примѣромъ.

II.

Начало судебного краснорѣчія относится ко временамъ Солона, и современнымъ адвокатамъ должно быть пріятно узнать, что отцемъ этого рода искусства былъ одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи. А именно Біасъ былъ, по свидѣтельству Діогена Лаерція, усерднымъ и краснорѣчивымъ адвокатомъ. Мы знаемъ также, чтоThemistocle страстно предавался теоріи и практикѣ процесса и самъ для себя упражнялся въ той умственной гимнастикѣ, въ которой впоследствии Антифанъ испытывалъ своихъ учениковъ. Біасъ и Themistocle, — одинъ изъ семи мудрецовъ и побѣдитель при Саламинѣ, — были два знаменитыхъ родоначальника, положившихъ начало происхожденію судебныхъ ораторовъ Греціи, римскихъ патроновъ и современныхъ адвокатовъ.

Сиракузы были мѣстомъ, гдѣ впервые установленъ для судебного краснорѣчія рядъ правилъ, благодаря которымъ оно совершенствуется и подчиняется чувству мѣры и порядка. Коракасъ и Тизій примѣняютъ къ краснорѣчію реторику. Затѣмъ Горгіи и софисты, предаваясь излишнимъ мудрствованіямъ, идутъ, правда, извилистыми путями темной діалектики, но обогащаютъ такимъ образомъ рѣчь новыми словами, вносятъ краски въ безцвѣтный стиль древнѣйшаго краснорѣчія и самимъ излишествомъ вносимыхъ ими риторическихъ украшеній отучаютъ грековъ отъ привычки къ слогу, лишенному всякихъ художественныхъ красотъ. Наконецъ казуистическія тонкости, разсыпанныя въ ихъ рѣчахъ, воспитываютъ вкусъ къ составленіямъ въ ораторскомъ искусствѣ, къ діалектическимъ спорамъ

и научаютъ понимать, какъ можно пользоваться гибкостью рѣчи. Эти люди точно кууютъ рѣчь на наковальнѣ, обращая ее въ ковкую массу, въ которую позднѣе, не нарушая вѣчной ея формы, стануть бросать свои мысли Лизій и Демосѣевъ. Они требуютъ отъ своихъ учениковъ методическихъ упражненій, приучаютъ ихъ составлять рѣчи на заданныя темы, снабжая ихъ съ этой цѣлью канвой и начертывая планъ.

Тѣмъ не менѣе софистическія напыщенность и неестественность грозятъ одно время повредить успѣхамъ ораторскаго искусства, которое, чтобы украсить рѣчь, считаетъ нужнымъ прибѣгать къ суетѣ цвѣтистыхъ словъ, надуманныхъ антитезъ и слишкомъ яркихъ выраженій или риторическихъ фигуръ. Оно едва не погибаетъ, задушенное этой нездоровой орнаментацией. Но греческій умъ обладаетъ достаточной силой и гибкостью, чтобы не слишкомъ долго сбиваться съ пути. Къ тому-же приближается моментъ, когда краснорѣчію предстоитъ стать самымъ могущественнымъ орудіемъ государственности. Оно должно поэтому освободиться отъ всякаго лишняго набора словъ и стать яснымъ и точнымъ выраженіемъ мысли и дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, краснорѣчіе избѣгло грозившей ему нѣкоторое время испорченности вкуса и спѣшить вернуться къ понятіямъ болѣе здоровымъ.

Къ сознанію истинной цѣли ораторскаго искусства, а именно общественной пользы, оно приходитъ, благодаря Периклу.

Едва появившись на трибунѣ, онъ доводитъ до совершенства политическое краснорѣчіе. Онъ ведетъ его на всѣхъ парусахъ въ океанъ демократическихъ стремленій. Но, какъ утверждаетъ энергично Фукидидъ, онъ не имѣлъ, кромѣ клички, ничего общаго съ демагогами и увлекалъ народъ за собой, а не позволялъ народу упралять собою.

Приобрѣтенной имъ властью онъ не былъ обязанъ не-
позволительнымъ средствамъ, ни также насильственнымъ дѣй-
ствіямъ, ни низкой угодливости, а потому онъ вступалъ на
трибуну всегда съ цѣлью служить согражданамъ, но не
льстить имъ. Далекій отъ униженія или раболѣпства передъ
толпой, онъ умѣлъ грозить ей и гнѣвно противорѣчить ея
желаніямъ. Если онъ видѣлъ Аѳинянъ заносчивыми и дерз-
кими, онъ устрашалъ ихъ своими рѣчами, если-же напротивъ
онъ замѣчалъ упадокъ духа безъ основаній къ этому, онъ
возбуждалъ въ нихъ мужество. Такимъ образомъ форма прав-
ленія, оставаясь демократической по имени, была въ дѣйстви-
тельности монархической въ рукахъ лучшаго изъ гражданъ.
Но то, что было возможно, благодаря его таланту, перестало
существовать при его преемникахъ, и оказалось, что онъ ско-
валъ оружіе, которымъ воспользовались демагоги, чтобы по-
шатнуть республику. Скоро всѣмъ стало ясно, что этотъ гор-
дый покоритель народа оставилъ послѣ себя только недостой-
ныхъ преемниковъ, слѣпившихъ насытить чудовищный аппе-
титъ. Онъ принадлежалъ къ особой расѣ, исчезнувшей вмѣстѣ
съ нимъ. Не видно, чтобы она возродилась и въ наши дни.

Ни одна изъ его рѣчей не дошла до насъ. Но единодуш-
ное свидѣтельство греческихъ писателей и тѣ рѣчи, какія вла-
гаетъ въ его уста Фукидидъ, даютъ возможность создать себѣ
нѣкоторое представленіе о томъ, какого рода было его красно-
рѣчіе, — о его силѣ и страстности. Аристофанъ зоветъ его Олим-
пійцемъ, съ сверкающими во время рѣчи зубами, и глазами,
бросающими грозные, молніеносные взгляды. Его краснорѣчіе
поражало Аѳинянъ и подъ впечатлѣніемъ его рѣчей они
убѣждались въ томъ, что до того времени они не знали
истинной красоты, и оставляли культъ ложныхъ боговъ, ко-
торымъ поклонялись наканунѣ.

Его приемы во время рѣчи были исполнены достоинства и сдержанности. Онъ появлялся на трибунѣ, завернутый въ тогу, переброшенную черезъ правую руку. Клеоны и Гипербоны еще не ввели тогда въ моду драматическій безпорядокъ, составлявшій впоследствии девять десятыхъ краснорѣчія трибуновъ. Клеонъ первый сталъ прогуливаться вдоль трибуны, дѣлая большіе шаги, сопровождая рѣчь ударами кулака по бортамъ трибуны, чтобы вознаградить этимъ недостатокъ убѣдительности въ его словахъ, колотя себя въ грудь и по бедрамъ, вознося къ небу голыя руки, призывая въ свидѣтели боговъ, не способныхъ ничего возразить, и маскируя съ помощью этой театральной фантазмагоріи легковѣсность аргументаціи.

Кромѣ политики, Перикль выступалъ также на поприщѣ судебного краснорѣчія. Его общественное положеніе позволяло ему защищать обыкновенные интересы и низводитъ величіе своего таланта до уровня незначительныхъ процессовъ. Но въ двухъ по крайней мѣрѣ случаяхъ онъ употребилъ всю свою энергію, чтобы спасти знаменитыхъ обвиняемыхъ. Это были два процесса, возбужденныхъ одинъ противъ Анаксагора, другой противъ Аспазіи, оба по обвиненію въ нечестіи. Такого рода обвиненіе считалось тогда самымъ безнадѣжнымъ. Неуваженіе къ богамъ грозило несчастіемъ и бѣдствіями республикѣ, навлекало на городъ, по общему мнѣнію, божественный гнѣвъ, и присутствіе въ стѣнахъ города одного нечестивца поселяло въ народѣ безпокойство сильнѣе, чѣмъ побѣда, одержанная врагами надъ республикой. Невѣріе и свобода не вступали еще тогда въ неразрывный союзъ; напротивъ, въ средѣ именно демократической, защищавшей всякаго рода свободу, находились самыя убѣжденные защитники всѣхъ боговъ, тогда какъ въ рядахъ аристократіи, враж-

дебной свободѣ, можно было встрѣтить враговъ почитанія небожителей. Несмотря на все старанія своего ученика, Анаксагоръ былъ осужденъ. Въ дѣлѣ Аспазіи Перикль былъ счастливымъ. Этотъ человекъ, казалось изваянный изъ мрамора, смягчился, защищая ту, которой умъ и доброту онъ испыталъ самъ. Онъ смирилъ свою гордую душу и со слезами молилъ судей о снисхожденіи. И тронутые этимъ зрѣлищемъ, удовлетворенные тѣмъ, что видѣли надменнаго Перикла у ногъ своихъ, судьи оправдали куртизанку. Этотъ приговоръ еще разъ доказалъ, что красота сохраняетъ свои права даже тамъ, гдѣ философія теряетъ свои.

Антифанъ первый посвятилъ себя всецѣло практикѣ и обученію правиламъ судебного краснорѣчія.

Онъ не прибѣгалъ никогда къ трибунѣ, такъ какъ былъ вождемъ аристократіи и не могъ, слѣдовательно, рассчитывать на популярность въ народѣ. Въ числѣ своихъ союзниковъ онъ имѣлъ не только неумолимо твердаго Критія, остроумнаго и легкомысленнаго Терамена, честолюбиваго Алкивіада, но и всю сократическую школу.

Мудрецы съ гнѣвомъ порицали безумство демагоговъ. Въ ихъ глазахъ демократія была настоящимъ царствомъ анархіи. Ихъ разумъ отказывался признавать преимущества закона, отдающаго рѣшеніе вопроса въ руки численнаго большинства; толпа по ихъ мнѣнію не можетъ судить о томъ, гдѣ истина, и не призвана ни создавать, ни разрушать. Они держались того взгляда, что толпа есть и останется всегда грубой, невѣжественной, одержимой страстями и что нельзя довѣрять ея рукамъ управленіе общественными дѣлами. Они не находили словъ для выраженія презрѣнія къ системѣ, которая подвергала назначеніе чиновниковъ случайностямъ счастья, и спрашивали иронически, принято-ли выбирать на узелки кормчаго на караблѣ